

ДЖЕРОМ ГОРСЕЙ О СОБЫТИЯХ МАЯ — ИЮНЯ 1591 г.
В УГЛИЧЕ И В МОСКВЕ*

15 мая 1591 г. в удельном Угличе погиб младший сын Ивана Грозного от Марии Нагой 8-летний царевич Дмитрий. Постепенно смерть Дмитрия Угличского обросла домыслами и слухами. Выдвинутая Нагими версия о злодейском убийстве мальчика получила продолжение. Видимо, еще до приезда в Углич Следственной комиссии Василия Шуйского, распространился слух, что мать погибшего вдовая царица Мария Федоровна находится при смерти. Единственным достоверным описанием ее состояния после смерти сына оказались записки английского дипломата Джерома Горсея (Jerome Horsey). В них говорится, что брат царицы Афанасий Нагой (empress' brother) среди ночи постучался в ворота Английского двора в Ярославле — резиденции прибывавших в Россию англичан, где находился в это время Горсей. Сообщив, что «царевич Дмитрий мертв», Нагой утверждал, что царица отравлена и умолял Горсея о помощи, прося передать «какое-нибудь средство» для несчастной матери царевича, чтобы облегчить ее страдания. Обычно свидетельство о ночном визите Нагого к Горсею рассматривается историками в связи с изучением разных версий гибели царевича Дмитрия и, в первую очередь, в связи с вопросом о причастности к этому Бориса Годунова. Вместе с тем в качестве источника, содержащего сведения о болезни Марии Нагой после событий 15 мая 1591 г., «Записки» Горсея ранее систематически не изучались. Настоящая статья имеет целью восполнить этот пробел. Она посвящена анализу записанного Горсеем по памяти сообщения об отравлении царицы. Если сведения медицинского характера выглядят в «Записках» вполне правдоподобно и косвенно подтверждаются материалами Следственного дела, то точность воспроизведения англичанином

---

* Авторы глубоко признательны сотрудникам центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» ИВИ РАН, а также участникам научно-исследовательского семинара члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова в ИАИ РГГУ «Источниковедение истории России X–XVIII вв.» (особенно К.В. Баранову, К.Ю. Ерусалимскому, В.Ю. Кацу, А.В. Кузьмину, Н.А. Лузанову и А.С. Усачеву), принявшим участие в обсуждении этой статьи. Слова особой благодарности — доктору медицинских наук, профессору Надежде Дмитриевне Лакошиной, взявшей на себя труд ознакомиться с нашим исследованием в рукописи и сделавшей важные замечания медицинского характера. Интересом к событиям в Угличе 1591 г. авторы целиком обязаны Сергею Михайловичу Каштанову, который направлял их и никогда не отказывал в дружеском совете и консультации. С.М. Каштанов внес в рукопись статьи исправления редакционного характера и оказал авторам неоценимую помощь в уточнении перевода и интерпретации исследуемого фрагмента «Записок» Дж. Горсея.

всех деталей беседы с Нагим вызывает определенные сомнения. У Горсея перемешались впечатления от событий, отстоявших друг от друга на несколько дней и даже лет, но объединенные темой угличской трагедии 15 мая. Некоторые из них Дж. Горсей фиксировал как непосредственный участник и свидетель, о других узнавал из разных источников — по преимуществу устных. В статье рассматривается вопрос о том, кто из Нагих в действительности мог быть ночным визитером Горсея и его информатором.

Ключевые слова: «Путешествия сэра Джерома Горсея», медицина XVI в., новая интерпретация, источниковедение, смерть царевича Дмитрия, следствие, патография царицы Марии Нагой, генеалогия Нагих.

*...Архангел Михайло,
создай ты мне с небеси свой золот ключ,
а булатен замок — замкнути ми
у всякого ведуна и у ведуньи кожаны губы,
а костяны зубы, и всякое в нем лихое лихорадество,
кто станет на меня... лихо думати и меня портити*
Заговор от порчи, из рукописи XVII в.¹

15 мая 1591 г. в удельном Угличе ударили в набат. Колокольный гул возвестил о смерти на княжеском дворе восьмилетнего царевича Дмитрия — младшего сына Ивана Грозного и брата слабоумного царя Федора Ивановича. В тот же день родилась версия о злодейском убийстве царевича и были названы злоумышленники: сын дьяка Михаила Битяговского Данила, племянник дьяка Никита Качалов и сын царевичевой мамки Василисы Волоховой Осип. Вместе с самим дьяком и еще несколькими посадскими людьми и слугами они были зверски убиты толпой².

19 мая из Москвы для расследования обстоятельств гибели Дмитрия Угличского, убийства государева дьяка и «душегубцев царевичу», а также «побития» посадских и разорения «Дьячей избы» была прислана специальная комиссия, которую возглавил боярин князь Василий Иванович Шуйский. В результате работы комиссии появилось Следственное дело³, которое 2 июня было доложено царю Фе-

¹ Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 184.

² Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 153–182.

³ РГАДА. Ф. 148: «Угличская Следственная комиссия во главе с князем В.И. Шуйским». Оп. 1. Д. 1. Издания текста Следственного дела см.: Следственное дело об убийении царевича Дмитрия Иоанновича, произведенное в Угличе по повелению государя царя Феодора Иоанновича боярином князем Василием Ивановичем Шуйским,

дору и Освященному собору. В нем утверждалось, что царевич Дмитрий сам закололся ножом во время игры с ребятами-«жилецами» «в тычку», в припадке «черной болезни падучей» (эпилепсии). Виновными в этом были объявлены Нагие, родственники матери царевича — Марии Федоровны Нагой, не доглядевшие за мальчиком, а затем учинившие расправу над Битяговским и мнимыми убийцами царевича. Иными словами, комиссия пришла к выводу о том, что смерть Дмитрия не была насильственной и произошла в результате несчастного случая, а мятеж в Угличе спровоцировали Нагие. По распоряжению правительства Федора Ивановича Нагих разослали по тюрьмам. Мать царевича — Марию Нагую — насильно постригли в монастыре на Выксе. Угличане — участники волнения — подверглись ссылке в Сибирь⁴.

Постепенно гибель Дмитрия Угличского обросла домыслами и слухами. Версия о злодейском убийстве, выдвинутая Нагими, получила продолжение немедленно. Видимо, еще до приезда в Углич комиссии Шуйского (т. е. ок. 19 мая) распространился слух, что мать погибшего — вдовья царица Мария Федоровна — находится при смерти. Единственным достоверным описанием состояния Марии Нагой после гибели сына оказались записки английского дипломата Джерома Горсея (Jerome Horsey). В них говорится, что брат царицы Афанасий Нагой («empress' brother») среди ночи постучался в ворота Английского двора в Ярославле — резиденции прибывавших в Россию англичан. Именно там находился в это время Джером Горсей, высланный из Москвы из-за ссоры с дьяком Андреем Щелкаловым. Сообщив, что «царевич Дмитрий мертв», Нагой утверждал, что «...царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, сле-

---

окольников Андреем Петровичем Клешиным и дьяком Елизарием Вылузгиным. Писано 1591 года, в мае... // СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 60. С. 103–123; *Суворин А.С.* О Дмитрии Самозванце: Критические очерки, с приложением нового списка следственного дела о смерти царевича Дмитрия. СПб., 1906; Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия. 15 мая 1591 г. / Изд. подгот. В.[К]. Клейн. М., 1913; *Таймасова Л.* Трагедия в Угличе: Что произошло 15 мая 1591 года? М., 2006. С. 417–459 (репринт издания 1906 г.). Выдержки из Следственного дела опубликованы В.Н. Козляковым (Дневник Марины Мнишек. М., 1995. Приложение. С. 162–166 (по СГГД)), а затем переизданы Л.Е. Морзовой (*Морозова Л.Е.* История России: Смутное время. М., 2011. С. 32–37 (по публикации В.Н. Козлякова)). Козляковым и Морозовой воспроизведены распросные речи Михаила, Григория и Андрея Нагих, Василисы Волоховой, а также челобитная Русина Ракова.

⁴ *Зимин А.А.* В канун. С. 154.

зает кожа»⁵ («“The Tsarevich Dmitrii is dead; [...] and the empress poisoned and upon point of death, her hair and nails and skin falls off»⁶). Он умолял Горсея о помощи и просил дать ему «какое-нибудь средство» («help and give some good thing») для несчастной матери царевича⁷.

Приведем это свидетельство Горсея по изданию Л. Берри и Р. Крами: «...The emperor and council would have me remove for a while to Iaroslavl', 250 miles thence. Many other things passed not worth the writing, sometimes cheerful messages, sometimes fearful. God did miraculously preserve me. But one night I commended my soul to God above other, thinking verily the time of my end was come. One rapped at my gate at midnight. I was well furnished with pistols and weapons. I and my servants, some fifteen, went with these weapons to the gate. “O my good friend, Jerome, ennobled, let me speak with you”. I saw by moonshine empress' brother, Afanasii Nagoi⁸, the late widow empress, mother to the young prince Dmitrii, who were placed but twenty-five miles thence at Uglich. “The Tsarevich Dmitrii is dead; his throat was cut about the sixth hour by the d'iaki; some one of his pages confessed upon the rack by Boris his setting on; and the empress poisoned and upon point of death, her hair and nails and skin falls off; help and give some good thing for the passion of Christ his sake”. “Alas! I have nothing worth the sending”. I durst not open my gates. I ran up, fetched a little bottle of pure salad oil (that little vial of balsam that the queen gave me) and a box of Venice treacle. “Here is what I have! I pray God it may do her good”. Gave it over the wall, who hied him post away. Immediately the watchmen in the streets raised the town and told how the Prince Dmitrii was slain. Some four days before, the suburbs of the Moscow was set on fire and twelve

---

⁵ Здесь и далее перевод записок Дж. Горсея на русский язык цитируется по изданию: *Горсей Д. Записки о России. XVI — начало XVII в.* / Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990. Напомним, что «Записки» Горсея переведены А.А. Севастьяновой по изданию 1856 г., а фрагмент о ночном визите Нагого к Горсею — по изданию 1626 г.: *Горсей Д. Записки*. С. 44, примеч. 67, см.: Там же. С. 130. Об изданиях и переводах «Записок» Дж. Горсея, а также о причинах обращения к фрагменту о ночном визите по изданию 1626 г. см.: [*Севастьянова А.А.*] Предисловие: Джером Горсей и его сочинения о России // *Горсей Д. Записки*. С. 5–46, особенно С. 28. Все случаи несогласия авторов настоящей статьи с переводом А.А. Севастьяновой и уточнения этого перевода оговариваются в примечаниях. Цитирование Горсея по нашему переводу также специально оговаривается.

⁶ Здесь и далее английский текст «Записок» Дж. Горсея воспроизводится по изданию: *Rude and Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers* / Ed. by L.E. Berry, R.O. Crummey. Madison; London, 1968. P. 357–359.

⁷ *Rude and Barbarous Kingdom*. P. 357.

⁸ В издании 1626 г.: Alphonassy Nagoie.

thousand houses burned. Boris his guard had the spoil, and four or five soldiers suborned, desperate fellows hired to endure the rack, confessed, and so was published that the Tsarevich Dmitrii, his mother the empress, and the Nagois their family, had hired them to kill the emperor and Boris Fedorovich and set the Moscow on fire. This was so published to move the peoples' hearts to hatred against the prince, his mother, and family. But it was too gross a falsehood and abhorred of all men in general, as God did not long after recompense and revenge with as fearful and palpable an example, to show that he is just in all his doings and turns the wicked devices and devilish practices of men to open shame and confusion. The bishop of Krutitsa was sent, accompanied with five hundred gunners and divers noblemen and gentlemen, to bury this Prince Dmitrii under the high altar in St. John's, I take it, in Uglich. Little did they think at that time that this Dmitrii's ghost should in so short a time be stirred up to the dissolution of Boris Fedorovich and all his family. The sick, poisoned empress was presently to be shorn a nun to save her soul by sequestering her life, made dead to the world, all her allies, brothers, uncles, and friends, officers and servants, dispersed in displeasure to divers secret dens not to see light again»⁹ («...Царь и совет отослали меня на время в Ярославль, за 250 миль¹⁰. Много других происшествий случилось со мной, их вряд ли стоит описывать. Известия, которые доходили до меня, были иногда приятны, иногда ужасны. Бог чудом сохранил меня. Но однажды ночью я предал свою душу богу, думая, что час мой пробил. Кто-то застучал в мои ворота в полночь. У меня в запасе было много пистолетов и другого оружия. Я и мои пятнадцать слуг подошли к воротам с этим оружием.

— Добрый друг мой, благородный Джером, мне нужно говорить с тобой.

Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата вдовствующей царицы¹¹, матери юного царевича Дмитрия, находившегося в 25 милях от меня в Угличе.

---

⁹ Rude and Barbarous Kingdom. P. 357–359.

¹⁰ Перевод А.А. Севастьяновой неточен. У Горсея «250 miles thence», т.е. «за 250 миль отсюда» (т.е. от Москвы). Под «милю» Горсей, видимо, подразумевал «версту», ибо в милях это расстояние равняется 159, а в верстах — 240 (см.: Rude and Barbarous Kingdom. P. 357. Note 4).

¹¹ Перевод А.А. Севастьяновой неточен. У Горсея Мария Нагая определяется как «the late widow empress», т.е. «бывшая (покойная?) вдовствующая царица». Это свидетельствует о том, что Горсей писал или по крайней мере редактировал эту часть своих «Записок» после 20 июня 1612 г., когда Мария Нагая (в иночестве Марфа) уже умерла.

— Царевич Дмитрий мертв, сын дьяка, один из его слуг, перерезал ему горло около шести часов; [он] признался на пытке, что его послал Борис; царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа; именем Христа заклинаю тебя, помоги мне, дай какое-нибудь средство!

— Увы! У меня нет ничего действенного.

Я не отважился открыть ворота, вбежав в дом, схватил банку с чистым прованским маслом (ту небольшую склянку с бальзамом, что дала мне королева) и коробочку венецианского териака.

— Это все, что у меня есть. Дай бог, чтобы ей это помогло.

Я отдал все через забор, и он ускакал прочь. Сразу же город был разбужен караульными, рассказавшими, как был убит царевич Дмитрий, а четыремя днями раньше были подожжены окраины Москвы и сгорело двенадцать тысяч домов. Страж Бориса захватил добычу, но четверо или пятеро подкупленных солдат (жалкие люди!) признались на пытке, и было объявлено, будто бы царевич Дмитрий¹², его мать царица и весь род Нагих подкупили их убить царя и Бориса Федоровича¹³ и сжечь Москву. Все это объявили народу, чтобы разжечь ненависть против царевича, его матери и их семьи. Но эта гнусная клевета вызвала только страшное отвращение у всех. Бог вскоре послал расплату за все это, столь ужасную, что стало очевидно, как он, пребывая в делах людских, направляет людские злодеяния к изобличению. Епископ Крутицкий был послан с 500 стрельцами, а также с многочисленной знатью и дворянами для погребения царевича Дмитрия в алтаре св. Иоанна (как мне кажется) в Угличе. Вряд ли все думали в то время, что тень убитого царевича явится так скоро и погубит весь род Бориса Федоровича¹⁴. Боль-

---

¹² Перевод А.А. Севастьяновой ошибочен. У Горсея «Boris his guard had the spoil, and four or five soldiers suborned, desperate fellows hired to endure the rack, confessed, and so was published that the Tsarevich Dmitrii...», т. е. «Стража Бориса занималась мародерством [после пожара], а четверо или пятеро подкупленных солдат, отъявленных мерзавцев (парней), нанятых для перенесения пытки, признались, и это было обнаружено, что царевич Дмитрий...».

¹³ Перевод А.А. Севастьяновой неточен. У Горсея: «...and so was published that the Tsarevich Dmitrii, his mother the empress, and the Nagois their family, had hired them to kill the emperor and Boris Fedorovich...», т. е. «...и было объявлено, будто бы царевич Дмитрий, его мать царица и весь род Нагих наняли их для того, чтобы убить царя и Бориса Федоровича...».

¹⁴ Перевод А.А. Севастьяновой неточен. У Горсея: «Little did they think at that time that this Dmitrii's ghost should in so short a time be stirred up to the dissolution of Boris Fedorovich and all his family», т. е. «Вряд ли все думали в то время, что тень Дмитрия явится так скоро и приведет к гибели Бориса Федоровича и всей его семьи».

ную, отравленную царицу постригли в монахини, принося ее светскую жизнь в жертву спасения души, она умерла для света. Все ее родственники, братья, дяди, приверженцы, слуги и чиновники были разбросаны в опале по разным секретным темницам, осужденные не увидят больше божьего света»¹⁵).

Обычно свидетельство о ночном визите Нагого к Горсею рассматривается историками в связи с изучением разных версий гибели царевича Дмитрия и в первую очередь в связи с вопросом о причастности к этому Бориса Годунова, будто бы подославшего к нему убийц. Наиболее подробно этот фрагмент «Записок» Горсея был исследован Морин Перри (1980). Перри анализирует все свидетельства Горсея о гибели царевича Дмитрия в Угличе. Сопоставив тексты изданий Горсея 1626 и 1856 гг. с рукописью «Записок» в той их части, где описывается ночной визит Нагого, Перри предложила новое прочтение этого фрагмента. Вместо оборота «его горло перерезано дьяками... один из его слуг признался на пытке...», Перри читает «его горло перерезано... сыном дьяка, одним из его слуг: [он] признался на пытке...». Исследовательница пришла к выводу о том, что в изложении обстоятельств гибели царевича «Записки» Горсея не противоречат русским источникам и, в частности, Следственному делу, в которых убийцей наследника назван сын государева дьяка Михаила Битяговского Данила¹⁶.

Вместе с тем в качестве источника, содержащего сведения о болезни Марии Нагой после событий 15 мая 1591 г., «Записки» Горсея ранее систематически не изучались. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел и посвящена анализу записанного Горсеем сообщения об отравлении царицы, полученного им вскоре после трагедии 15 мая. Поскольку зафиксированное Горсеем свидетельство содержит специфические сведения медицинского характера («...отравлена... вылезают волосы, ногти, слезает кожа»), статья писалась историком в соавторстве с практикующим врачом.

---

¹⁵ Перевод А.А. Севастьяновой неточен. У Горсея: «The sick, poisoned empress was presently to be shorn a nun to save her soul by sequestering her life, made dead to the world, all her allies, brothers, uncles, and friends, officers and servants, dispersed in displeasure to divers secret dens not to see light again», т. е. «Больную, отравленную царицу вскоре постригли в монахини, чтобы спасти ее душу путем изоляции ее от (светской) жизни, и она умерла для света, а все ее приверженцы, братья, дядя, друзья, чиновники и слуги были разбросаны в опале по разным тайным темницам, дабы не увидели вновь божьего света».

¹⁶ *Perrie M. Jerome Horsey's Account of the Events of May 1591 // Oxford Slavonic Papers. 1980. Vol. 8. P. 38–39.*

Как известно, «Запискам» Джерома Горсея свойственна хронологическая многослойность. Горсей не раз возвращался к написанному, подвергая его редактированию и доработке. Окончательно его записки были отредактированы уже в XVII в. Тогда же подверглись корректировке (или были заново написаны) заметки о гибели царевича Дмитрия и о ночном визите Афанасия Нагого. Во всяком случае, эти заметки завершаются фразой, имеющей важное датирующее значение: «Little did they think at that time that this Dmitrii's ghost should in so short a time be stirred up to the dissolution of Boris Fedorovich and all his family» («Вряд ли все думали в то время, что тень Дмитрия явится так скоро и приведет к гибели Бориса Федоровича и всей его семьи»¹⁷). Из этой фразы следует, что Джером Горсей писал о событиях в Угличе (1591 г.), уже зная о смерти Бориса Годунова, о гибели его сына Федора и появлении Лжедмитрия I (1605 г.). Он даже знал о смерти Марии Нагой, т.к. назвал ее «late» (ум. в 1612 г.). Иными словами, даже если ночной визит Нагого «на немецкий двор английских немцев» в Ярославле действительно состоялся, его описание подверглось переработке.

Однако сохранилось и другое известие Горсея об обстоятельствах смерти царевича Дмитрия. Оно содержится в его письме лорду-казначею Уильяму Сесилу (William Cecil, 1st Baron Burghley). Письмо было написано буквально по горячим следам, а именно 10 июня 1591 г. (т.е. спустя всего 26 дней после трагедии): «19-го числа... случилось величайшее несчастье: юный князь 9-ти лет... был жестоко и изменнически убит; его горло было перерезано в присутствии его дорогой матери, императрицы; случились еще многие столь же необыкновенные дела, которые я не осмелюсь описать не столько потому, что это утомительно, сколько из-за того, что это неприятно и опасно»¹⁸. Обращает на себя внимание ошибочная дата: днем гибели малолетнего царевича Горсей называет не 15, а 19 мая. В «Записках» Горсей пишет о волнениях, вспыхнувших «четырьмя днями раньше», т.е. как раз 15 мая, правда, не в Угличе, а на окраинах Москвы. 19 мая в Углич прибыла Следственная комиссия. Она еще только готовилась начать работу, итоги следствия были неизвестны, убитая горем царица переживала тяжелое психическое расстройство —

¹⁷ Перевод наш. — Л.С., П.Б.

¹⁸ [Севастьянова А.А.] Письма Джерома Горсея // Горсей Д. Записки. С. 227–244, особенно С. 233. Первую публикацию писем в русском переводе см.: Лурье Я.С. Письма Джерома Горсея // Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия историч. наук. Л., 1941. Вып. 8. № 73. С. 199–201.

реактивную депрессию, у нее выпадали волосы, слезали ногти и тело покрылось экземой. От кого узнали в Ярославле о гибели царевича, неясно. На основании «Записок» Горсея можно подумать, что первым вестником был «брат» царицы «Афанасий Нагой», постучавшийся в ворота Горсея, вероятно, 19 мая 1581 г. Но весть о прибытии в Углич Следственной комиссии мог привезти в Ярославль и кто-то другой.

Проявления болезни Марии Нагой, воспринятые ее родственниками как признаки отравления, зафиксированы Горсеем со слов Нагого, по-видимому, довольно точно. Они хорошо известны медикам. Однако свидетельствуют они о том, что вовсе не яд, а острая психическая травма стала причиной такого ее состояния. С позиций современной психиатрии, реакцией на острую психическую травму (в данном случае — гибель ребенка) могут стать выпадение волос и появление нервной экземы (у Марии Нагой «слезает кожа») ¹⁹. Лицо, руки, ноги, все туловище покрывается пузырьками, которые вскрываются и оставляют после себя сочащуюся прозрачную жидкость. Заболевание начинается обычно с лица и кистей рук и постепенно распространяется по всему кожному покрову. Кожа непрерывно зудит, интенсивно краснеет, мокнет. Постепенно на ней образуются чешуйки и корочки. Она шелушится и кажется, что «слезает». Больной непрерывно чешет зудящую кожу, от чего она «слезает» еще сильнее, расчесывает себя в кровь. Появляются трещины, кожа делается очень сухой. Течение этого заболевания может осложниться присоединением инфекции, и тогда на коже образуются пустулы (гнойные пузырьки) и гнойные корки. Зуд непрерывно усиливается, он невыносим, мешает спать, не дает покоя. Невротическая реакция организма при этом только усиливается. Остро начавшаяся экзема постепенно приобретает хроническое течение, которое может тянуться годами.

Кожные дериваты — ногти и волосы — в качестве реакции на психотравму «вылезают» не сразу и начинают страдать по прошествии нескольких (обычно 1–2) дней ²⁰. Стало быть, ночной визит Нагого к Горсею состоялся не в ночь трагедии, а спустя несколь-

---

¹⁹ *Тополянский В.Д., Струковская М.В.* Психосоматические расстройства (руководство для врачей). М., 1986. С. 261–267. Наряду с экземой в роли соматических эквивалентов чрезмерных эмоциональных перегрузок могут выступать зуд, рецидивирующая крапивница, псориаз и красный плоский лишай, а также нейродермит (Там же. С. 261).

²⁰ *Тополянский В.Д., Струковская М.В.* Психосоматические расстройства. С. 262. Кожная симптоматика и спровоцированная ею психогения могут усиливать расстройства настроения, связанные с собственно психотравмирующим воздействием, в данном случае — внезапной гибелью ребенка (*Смулевич А.Б.* Депрессии при соматических

ко дней после нее. Вероятно, это произошло между воскресеньем 16 мая и вторником 19 мая, когда Нагие в обстановке крайнего нервного напряжения и страха ожидали следственной комиссии из Москвы. Нередко на фоне аффективных расстройств происходит постепенное, а иногда и чрезвычайно быстрое обесцвечивание волос. Кроме того, волосы становятся тусклыми, безжизненными как старый парик, легко обламываются и секутся, свисают прямыми прядями. Возможно развитие диффузного, очагового и тотального облысения²¹. Ногтевые пластинки становятся шероховатыми, бугристыми, исчерчиваются продольными и (чаще) поперечными полосами, отличаются повышенной ломкостью в продольном направлении. На ногтях образуются трещины, по ходу которых возможно расщепление, расслоение и отпадение кусочков ногтя. Патологический процесс развивается быстро, захватывает многие ногти, при этом дистрофические нарушения имеют одну и ту же степень развития²².

Какие-то из перечисленных симптомов поражения кожи и ее дериватов после психической травмы наблюдали у царицы ее родственники. Нагой довольно точно описал эти симптомы Горсею, зафиксировавшему их (тоже весьма точно) в обороте: «...the empress poisoned and upon point of death, her hair and nails and skin falls off...». Мария Нагая, скорее всего, в это время слегла, была равнодушна к происходящему, и у ее окружения сложилось полное впечатление, что она отравлена и находится при смерти. Именно эту, казавшуюся в тот момент такой правдоподобной, версию: убийства царевича и покушения на убийство его матери, и излагал Горсею Нагой, умолявший англичанина дать ему некое чудодейственное средство для царицы, о котором был, видимо, наслышан.

«Средством», которое Горсей выдал Нагому, оказалась банка с чистым прованским маслом (англичанин писал о «небольшой склянке с бальзамом, которую дала... королева» [«a little bottle of pure salad oil (that little vial of balsam that the queen gave me)»]) и коробочка венецианского териака («a box of Venice treacle»). Прованское масло вряд ли облегчило страдания царицы. Поскольку окружение Марии Нагой считало, что ее отравили, вероятнее всего, что масло из «склянки» Горсея ей давали перорально, как бальзам, предлагая его пить какими-то

и психических заболеваниях. М., 2003. С. 151–154; *Смулевич А.Б., Иванов О.Л., Львов А.Н., Дороженко И.Ю.* Психодерматология: Современное состояние проблемы // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2004. № 11. С. 4–13).

²¹ *Топольянский В.Д., Труковская М.В.* Психосоматические расстройства. С. 262.

²² Там же. С. 263.

небольшими дозами. Возможно, учитывая состояние ее кожи, масло использовали как мазь и покрывали им большую кожу царицы. Если масло, принятое внутрь, не могло ни помочь, не навредить несчастной, то использованное в виде мази то же масло было способно только усугубить ее положение и вызвать инфекцию (масло — питательная среда для микробов). А вот венецианский териак Горсея мог, пусть и не сразу, заметно облегчить страдания больной. Териаком (или териакром Андромаха, греч. τὰ θηριακά, лат. *Electuarium theriacale*, *Theriaca*) называлось мнимое универсальное противоядие, которое будто бы излечивает все без исключения отравления²³. Слово «териак» восходит к персидскому [терйаг] — противоядие; [терйак] — опиум, терьяк. Первый териак, согласно легенде, был изобретен царем Митридатом VI Евпатором (126–64 гг. до н. э.). Постоянно опасаясь быть отравленным, Митридат VI ставил опыты на преступниках и будто бы создал некое универсальное противоядие, названное по его имени «митридациумом». Митридациум настолько обезопасил организм царя от ядов, что когда возникла опасность попасть в римский плен, царь вынужден был заколотся мечом, ибо все известные яды не причиняли ему вреда. Победитель Митридата Помпей Великий, ворвавшись в его дворец, якобы в первую очередь дал приказ разыскать чудодейственный митридациум²⁴.

В Риме териак был впервые составлен врачом императора Нерона Андромахом Старшим (отсюда его другое название — териак Андромаха). Андромах будто бы изменил название снадобья на «териак» или «митридациум-териак». Считается, что именно это средство принимала мать Нерона Агриппина из опасения быть отравленной сыном. Клавдий Гален (131–201 гг.) также интересовался териакром. Его рецепты изготовления универсального противоядия оставались в силе до начала XIII в. Териакром пользовались своих больных медики арабского Востока. Согласно легендарному преданию, халиф Мо-

---

²³ Подробнее см.: Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales / Sous la direction d'A. Dechambre et L. Lereboullet. Paris, 1887. Т. XVII. P. 172–175; *Nicolas Lémery. Pharmacopée universelle, contenant toutes les compositions de pharmacie qui sont en usage dans la médecine, tant en France que par toute l'Europe, leurs vertus, leurs doses, les manières d'opérer les plus simples et les meilleures: avec un lexicon pharmaceutique, plusieurs remarques et des raisonnemens sur chaque opération* Paris; Nyon, 1764. Т. II. P. 685–688; *Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь*. М., 1958. Т. 1. С. 788; *Семенченко В.Ф. Хроника фармации*. М., 2007. С. 162, 242, 429.

²⁴ См.: *Миллер Б.В. Персидско-русский словарь*. М., 1960. С. 117; *ru.wikipedia.org/Териак*; см. также статью Е.Б. Бергер: <http://www/gumer.info/bibliotek-Books/History/Berg/OB_opasn.php>.

тавекким во время пиршеств подвергал своих гостей укусам змеи и затем излечивал их териакон²⁵.

Готовый териак представлял из себя мягкую темно-серую пасту, по консистенции похожую на мед. Со временем смесь затвердевала, ее резали на куски и изготавливали пастилки. Эти пастилки и употребляли в качестве лечебного средства. Иногда из пастилок териака приготавливали микстуру (одна часть териака на шесть частей коньячного спирта). Поскольку териак использовали в качестве снадобья от всех разновидностей ядов и при любых отравлениях, считалось, что чем сложнее его состав, тем действеннее лекарство. Поэтому средневековые медики непрерывно совершенствовали рецептуру териака, вводя в его состав все большее число ингредиентов. Известно, например, что нюрнбергский териак состоял из 65 ингредиентов, а французский териак XVI–XVII вв. — из 71. Бывало, что количество частей в составе териakov доходило до ста. Впрочем, иногда териак вымешивали буквально из того, что оказывалось у аптекаря под рукой. Крупнейшими центрами изготовления териakov в средние века считались Константинополь, Каир, Генуя и Венеция. Именно венецианский териак, или «трикл» уже в XIII в. окончательно затмил своих соперников и снискал славу наиболее действенного противоядия²⁶. В багаже Джерома Горсея именно он впервые, как кажется, прибыл в Россию²⁷ и был использован в лечении царицы Марии Нагой.

---

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Териак приготавливали в аптеках России вплоть до 1917 г. К этому времени его официальная рецептура («пропись») включала в себя всего 9 компонентов (т.е. значительно меньше, чем в средневековой Европе и значительно меньше, чем должно было быть в венецианском териакe Горсея): «Rhiz. Angelicae p. 6,0, Rhiz. Serpentariae, p. 3,0, Rhiz. Valerianae p. 2,0, Bulbi Scillae p. 2,0, Rhiz. Zedoariae p. 2,0, Cort. Cinnamomi p. 2,0, Ferr. sulfur, p. 1,0, Myrrhae, p. 1,0, Mel. depur, p. 75,0» (см.: Териак // Большая медицинская энциклопедия, онлайн версия: <http://bigmeden.ru/article/>). Как видно из «прописи», такой териак состоял из 6 частей корня дягиля (*Rhizus Angelicae radix*), 3-х частей корня серпентария (*Rhizus Serpentariae*), 2-х частей корня валерианы (*Rhizus Valerianae*), 2-х частей морского лука (*Bulbi Scillae*), 2-х частей цитварного корня (*Rhizus Zedoariae*), 2-х частей коры коричного дерева (*Cortex Cinnamomi*), 1-й части сульфата железа, 1-й части мирры (*Myrrhae*), 75 частей очищенного меда (*Mellis depur*). Обращает на себя внимание, что в состав позднего «русского» териака важнейший компонент средневековых териakov — опиум — уже не входил. Да и сам териак, судя по его составу, утратил свои свойства «универсального противоядия» и был показан при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, связанных с недостаточным сокоотделением, спастическими болями и вторичной железодефицитной анемией. Кроме того, его могли применять при истощении нервной системы в качестве седативного средства. Этот териак обладал также противоспоительным и мочегонным действиями и мог купировать болевой синдром.

Изучение сохранившихся от эпохи средневековья рецептов териака оставляет впечатление, что универсальное противоядие составлялось таким образом, чтобы наряду с необязательными компонентами (истолченная змеиная и бобровая кожа, шампиньоны, ладан, чечевица и др.) в его состав обязательно входили такие травы и вещества, которые оказывали 1) послабляющее (цветы черной бузины, фенхель, кора крушины, тмин, кориандр, анис, тысячелистник, корень солодки, корень алтея), 2) мочегонное (корень петрушки, шиповник, кудреватый дягиль, анис, можжевельник, мята, шалфей, эвкалипт и др.), 3) противовоспалительное (ромашка), 4) успокаивающее (мята, пустырник, валериана, зверобой) и даже 5) наркотическое (опий) действие. Иными словами, в состав териakov входили вещества, имевшие разностороннее фармакологическое действие. Если иметь в виду, что териак мыслился именно как противоядие, то очищение кишечника, стимуляция деятельности желудочно-кишечного тракта и почек могли привести к определенному терапевтическому эффекту. Териак Горсея неизбежно должен был активизировать экскреторную систему больной, способствовать выведению из ее организма избытка воды, соли, продуктов обмена веществ, а также ядов.

Обращает на себя внимание, что в состав венецианского териака, которым пользовали Марию Нагую, как и в состав любого из средневековых териakov, непременно входили корень валерианы (*Valeriana officinalis*), зверобой (*Hypericum perforatum*) и опиаты. Валериана традиционно использовалась и как противоядие, и как действенное успокоительное. Она должна была несколько смягчить ощущение тревоги, которая, несомненно мучила Марию Нагую. Зверобой был довольно сильным антидепрессантом, который мог ослабить проявления душевной тоски царицы. Опием и опиатами с древнейших времен врачи пользовали своих больных для снятия у них болевого синдрома. Это наркотическое вещество, безусловно, могло облегчить и мучения Марии Нагой, испытывавшей постоянный кожный зуд и боль. Впрочем, корень валерианы при длительном его применении мог несколько усугубить депрессию, а вот для хорошего клинического эффекта зверобой (как антидепрессант растительного происхождения) нужно было принимать не менее двух недель.

Необратимость утраты и связанные с этим тяжелые, драматические переживания вызывают у человека психическое расстройство, которое в современной медицине называется реактивной депрессией (от лат. *depressio* подавленность) или реактивным психозом. Это

состояние характеризуется подавленным настроением в течение длительного времени (от двух недель и более), упадком сил, потерей интереса к жизни. Обычно такое состояние усугубляется чувством вины, тревогой и страхом, неспособностью концентрироваться и принимать решения, наличием навязчивых мыслей о смерти и даже самоубийстве, нарушениями сна, ощущений жжения в груди и других симптомов соматического заболевания (например, появлением экземы, выпадением волос и др.). Состояние реактивного психоза может характеризоваться не только депрессией, но и наличием стабильных бредовых идей, связанных с психотравмирующей ситуацией, а также галлюцинациями²⁸. То, что после гибели единственного сына царица переживала тяжелейшую реактивную депрессию, сомнений не вызывает. На это указывают не только известие Джерома Горсея, но и материалы Следственного дела, позволяющие реконструировать ее поведение и состояние в момент трагедии и в течение нескольких дней после нее.

Вероятно, состояние царицы определялось не только реактивной депрессией. Не исключено, что следствием пережитой Марией Нагой внезапной острой психической травмы стали бредовые идеи отношения и преследования, сопровождавшиеся выраженными страхом и тревогой, чем объясняется ее дальнейшее поведение. Согласно Следственному делу, она, как только увидела сына мертвым, принялась что есть силы избивать Василису Волохову: «и царица Марья забежала на двор и почала ее, Василису, царица Марья бити сама поленом, и голову ей пробилла во многих местех»²⁹. Избивая Волохову, царица выкрикивала обвинения и назвала имена предполагаемых убийц, «будто се сын ее, Василисин, Осип с Михайловым сыном Битяговского, да Микита Качалов царевича Дмитрея зарезали». Стоны и крики Василисы Волоховой, умолявшей царицу «дати сыск праведной», поскольку «сын ее [Волоховой] и на дворе не бывал», не возымели эффекта. Царица обезумела от душевной боли и продолжала избивать Волохову до тех пор, пока силы не покинули ее. Тогда за полено ухватился брат царицы Григорий Нагой, которому безутешная мать «велела ее [Василису] тем же поленом бити по боком». Василису избивали до полусмерти, и «чють живу покинули замертва».

---

²⁸ Руководство по психиатрии: В 2 томах / Под ред. А.В. Снежневского. М., 1983. Т. 2. С. 366–386; Психиатрия: Справочник практического врача / Под ред. А.Г. Гофмана. М., 2006. С. 300–311.

²⁹ Здесь и далее материалы Угличского следственного дела цитируются по подлиннику (РГАДА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1).

С позиций современной психиатрии такое поведение царицы можно трактовать как проявление реактивной тотальной ажитации, которая возникает по типу короткого замыкания, продолжается считанные минуты и на высоте которой сужается сознание³⁰. В избиении Волоховой следует видеть неукротимую гомицидную реакцию ярости, которая несла в себе отзвук древней реакции защиты детей от надвигающейся опасности³¹. Вероятно, у Марии Нагой начал развиваться реактивный параноид: избивая Волохову, она расправлялась с матерью предполагаемого убийцы, которого, согласно материалам Следственного дела, даже не было в момент трагедии на территории дворца.

Однако царица не могла успокоиться. Колокольный звон привлек на место трагедии «многих людей посадских и всяких людей». Мария Нагая велела схватить Василису («взяти посадским людем»), и обесчестить ее: «мужики... взяли и ее ободрали, и простоволосу ее держали перед царицею». Такие действия царицы, безусловно, оглушенной горем, попахивали садистической жестокостью: к физическим мучениям своей жертвы Мария Нагая добавила глубокие нравственные страдания.

Затем царица в сопровождении своего двоюродного дяди Андрея Александровича Нагого проследовала в церковь Св. Спаса. Мертвого царевича Андрей Нагой нес на руках. Однако бредовые идеи, захлестнувшие Марию Нагую, все еще руководили ее сознанием. Царица жаждала крови. Возле церкви на ее глазах убили Осипа Волохова: «а Осипа Волохова привели к царице в верх, к церкви к Спасу, и тут ево перед царицею убили до смерти».

Спустя два дня после гибели сына Нагая вспомнила и повелела разыскать («добыть») «жоночку уродливую», которая жила у Михаила Битяговского и иногда «для потехи» была звана к царице. Ее обвинили в том, что она «будтос(ь)... ц(а)р(е)вича портила». Мария Нагая распорядилась «ее убити ж». Царица все еще судорожно продолжала искать виноватых. Казнь юродивой была исключительно жестокой: «жоночку Михайлову, розстреляв, в воду посадили». Обращает на себя внимание тот факт, что юродивую Михаила Битяговского казнили подобно тому, как в Германии XVI в. казнили женщин, уличенных в изготовлении ядов (сначала пытали, затем топили)³².

---

³⁰ *Портнов А.А.* Общая психопатология. М., 2004. С. 233.

³¹ Там же. С. 232.

³² *Панова Т.* Средневековая Русь: Яды как средство сведения счетов // Наука и жизнь. 2006. № 8. С. 115.

Возле мертвого тела сына царица находилась несколько дней (по крайней мере — до приезда комиссии Шуйского)³³. Видимо, тогда наступила следующая стадия депрессивного расстройства Марии Нагой — стадия внутреннего прития трагедии. Царица постепенно если не смирилась с происшедшим, то приняла его как совершившийся факт. Мария Нагая должна была неминуемо слечь, испытывать глубочайшую тоску, апатию к происходящему и мало реагировать на внешние раздражители. У нее стали выпадать волосы и слезать кожа, а спустя еще какое-то время — и ногти. Ее тело покрылось зудящей мокнувшей коркой, которую она постоянно расчесывала. В этот момент окружение царицы и должно было прийти к заключению, что она отравлена и при смерти. Один из Нагих поспешил на Английский двор в Ярославле к Джерому Горсею в надежде получить у него противоядие для царицы.

Териак Горсея принес некоторое облегчение страданиям Марии Нагой, но она все еще была очень плоха: депрессия делала свое дело. Сил царицы хватило, по-видимому, только на то, чтобы присутствовать на допросах Тучковой и Колобовой. Больше царицу не трогали. Своих показаний Следственной комиссии она, как известно, не давала. В день отъезда комиссии она призвала к себе митрополита Геласия, и вручила ему свое «челобитье». Было ли оно продиктовано ею самой, или составлено от ее имени Нагими — неизвестно. Весьма вероятно, что родственники Марии Нагой каким-то образом участвовали в его составлении. После неблагоприятного для них решения о том, что царевич закололся сам («царевичу Дмитрею смерть учинилась Божьим судом»), царицыно «челобитье» было для Нагих последней надеждой облегчить свою участь.

Положение Марии Нагой изначально было незавидным и не могло не наложить отпечаток на ее личность. Выйдя замуж в 1580 г. совсем юной (вряд ли ей было больше 16–18 лет), она, тем не менее, скоро наскучила 50-летнему царю (стала «не угодна ему»). Иван Грозный не испытывал к Нагой особенной привязанности, а сама его женитьба на ней — шестой или седьмой по счету супруге — не

---

³³ Как известно, Нагие опасались кражи мертвого тела царевича. Григорий Нагой показал на допросе, что он вынужден был заботиться «...чтоб хто царевича тела не украл». Та же мысль отчетливо прослеживается в распросных речах Андрея Александровича Нагого, что «...он был у царевича тела безотступно, и тело... царевичево внес в церковь». Впрочем, эти показания связаны с объяснениями обстоятельств побития уличан, когда первые четыре дня после кончины наследника (15 мая) до приезда Следственной комиссии (вечер 19 мая) Углич был фактически в руках Нагих.

могла считаться законной (церковь признавала каноническими не более трех браков³⁴). Свою последнюю супругу Иван Грозный выбрал из ближайшего окружения, составлявшего государев Двор: Мария Нагая была дочерью окольного Федора Федоровича Нагого (Федца). Грозному ее сосватал Афанасий Федорович Нагой, родной дядя будущей царицы. Согласно Горсею, царь женился на Нагой, дабы успокоить наследника, бояр и свое ближайшее окружение, взволнованных слухами о его готовящемся бегстве в Англию: «...Сам он не сумел сохранить дело в тайне, и вскоре его старший сын царевич Иван, и его любимцы и бояре узнали об этом. Заметив это, царь решил успокоить их и женился снова, на пятой³⁵ жене, дочери Федора Нагого, очень красивой девушке из знатного и великого рода,

---

³⁴ Согласно 50-му правилу Василия Великого, даже третий брак является нарушением церковных канонов: «...на троебрачие нет закона». Самому Ивану Грозному после смерти первых трех жен (Анастасии Романовны, Марии Темрюковны и Марфы Собакиной) для заключения четвертого брака — с Анной Алексеевной Колтовской — потребовалось специальное решение церковного собора. Услужливое согласие церкви на четвертый брак (правда, при условии покаяния царя и наложении на него епитимии — «ради его теплого умиления и покаяния») было получено после того, как Иван Грозный пояснил, что из-за болезни и скоростижной смерти Марфы Собакиной он не успел вступить с ней в подлинные супружеские отношения. Как известно, Анна Колтовская вскоре была насильственно пострижена в монахини, а царь женился на Анне Григорьевне Васильчиковой. Однако Васильчикова вскоре скончалась, и супругой царя стала вдова Василиса Мелентьева («женище»). Этот брак Ивана Грозного вряд ли был церковным. В русских источниках, содержащих поименное перечисление жен Ивана Грозного, о Василисе Мелентьевой не говорится. Исключение составляет Хронограф XVII в. (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 194, 229). Имя Василисы не упоминается даже тогда, когда сообщается не о шести, а о семи браках Грозного. В записках иностранцев глухо сказано, что русский царь был женат семь раз (см., например: *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 123; *Мацца Исаак.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 29; *Петрей Петр.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. С. 270). После смерти Василисы Мелентьевой седьмой женой государя стала Мария Нагая (см.: *Зимин А.А.* В канун. С. 86; *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989. С. 133–134). Семен Иванович Шаховской называет Марию Нагую шестой женой Ивана Грозного (РИБ. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 847).

³⁵ Здесь у Горсея Мария Нагая названа именно пятой (а не шестой или седьмой) женой Ивана Грозного («...Married again the fifth wife, the daughter of Fedor Nagoi...») (Rude and Barbarous Kingdom. P. 286).

от нее родился его третий сын по имени Дмитрий Иванович»³⁶. Это известие Горсея о мотивах, которыми царь руководствовался, вступая в свой последний брак, косвенно свидетельствует о прохладном отношении царя к жене и о том, что безразличие Ивана Грозного к Марии Нагой не было загадкой для современников.

Свадьба Ивана IV и Марии Нагой состоялась вскоре после ухода Стефана Батория из Великих Лук и была обставлена весьма скромно, не по царскому чину. На ней гуляли наиболее близкие Ивану Грозному лица из состава государева Двора. Посаженным отцом («в отца место») был царевич Федор Иванович, а «тысяцким» — царевич Иван Иванович. На свадьбе присутствовали также думные дворяне Михаил Андреевич Безнин и Игнатий Петрович Татищев. В сохранившемся свадебном разряде Ирина Годунова — жена царевича Федора — упомянута, а вторая жена царевича Ивана Феодосия Михайловна Соловая³⁷ — нет (в 1579 г. она была пострижена за бездетность под именем Пелагеи (Параскевы, Прасковьи) и удалена в монастырь)³⁸.

В последние годы жизни Иван Грозный оказался одержим идеей породниться с английской правящей династией и перебраться в Англию. Потерпев неудачу в сватовстве к королеве Елизавете Английской, он сделал попытку жениться на племяннице королевы — Марии Гастингс³⁹. Почувствовать себя женихом Ивану Грозному вовсе не помешал тот факт, что на момент сватовства Мария Нагая была беременна (январь — октябрь 1582 г.). О потенциальной английской невесте царь узнал от придворного лекаря — англичанина Роберта Якоби (Романа Елизарьевича). Как только 25 ноября 1581 г. новый лейб-медик прибыл в Москву, царь Иван поручил главе Аптекарского приказа Богдану Яковлевичу Бельскому, дьяку Андрею Яковлевичу Щелкалову и Афанасию Федоровичу Нагому (дяде царицы и ее недавнему свату) расспросить Якоби о Марии Гастингс. Вес-

---

³⁶ Горсей Д. Записки. С. 68–69.

³⁷ Как известно, Иван Иванович был женат трижды. Первая его жена, дочь боярина Богдана Юрьевича Сабурова, была пострижена в Суздальский Покровский монастырь 4 ноября 1571 г. Третья его жена (с 1580 г.) — Елена, дочь боярина Ивана Васильевича Шереметева Меньшова, овдовев, получила в кормление-вотчину Лук (Зимин А.А. В канун. С. 91, 265, примеч. 36).

³⁸ Там же.

³⁹ Подробнее об истории этого сватовства и последовавших за ним событиях см., например: Зимин А.А. В канун. С. 95–97; Кобрин В.Б. Иван Грозный. С. 145–146; Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2006. С. 436–437; Морозова Л.Е., Морозов Б.Н. Иван Грозный и его жены. М., 2005. С. 244–250.

ной 1582 г. в Лондон был отправлен посол Федор Андреевич Писемский, которому поручили переговоры с английской королевой о женитьбе русского царя на ее племяннице, о заключении военного союза и о приглашении в Россию мастеров и ратных людей из Англии. Удивительно, но и рождение царевича Дмитрия (19 октября 1582 г.) как препятствие к новому супружескому союзу Иван Грозный не рассматривал.

Жалея племянницу, королева отвечала свату, что та «не красна лицом» и к тому же нездорова. Пообещав после выздоровления Марии Гастинс прислать царствующему жениху ее «парсон», Елизавета Английская фактически уклонилась от прямого ответа. В 1584 г. предложение русского царя было окончательно отклонено со ссылкой на нездоровье невесты и ее несогласие переменить вероисповедание.

Отказ не охладил жениховский пыл царя Ивана, который грозился, захватив казну, приехать в Англию и жениться на какой-нибудь другой «племяннице» королевы, если та все-таки не пришлет ему невесту в Россию добровольно. Однако 18 марта 1584 г. после очередного приступа болезни, случившегося с ним во время игры в шахматы, Иван Грозный умер, так и не разведясь с Марией Нагой и не женившись на англичанке.

Согласно летописным данным, после смерти Ивана Грозного в 1584 г. «у бояр было меж собою сметенье великое». Новый летописец, составленный около 1630 г., безусловно на основании более ранних источников сообщил о том, что в ночь смерти Грозного Борис Годунов «с своими советники возложи измену на Нагих и их поймаху и даша их за приставы»⁴⁰. Участь Нагих решалась всей Думой: они были потенциально опасны действующей власти возможными политическими авантюрами в пользу малолетнего царевича Дмитрия. Нагие были не одиноки: та же участь постигла и других, «коих жаловал царь Иван». «Изменники» были разосланы по дальним городам, кто-то заключен в темницу. Их дома подверглись разорению, а поместья и вотчины розданы новым владельцам.

Коронация Федора Ивановича состоялась 31 мая 1584 г. Царевич Дмитрий с матерью и родней был отправлен в Углич, определенный Иваном Грозным младшему сыну в удел. В Угличе при царице Марии состояли отец Федор Федорович (ум. ок. 1590 г.), двоюродный дядя Андрей Александрович и братья Михаил и Григорий Федоро-

---

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 232, 195; Там же. Т. 14. СПб., 1910. С. 35.

вичи. Ссылке подверглись двое⁴¹ сыновей Александра Михайловича Нагого: Михаил (до того — воевода в Казани) был отправлен в Кокшайск, а затем в Уфу, Афанасий — в Новосиль. Их троюродный брат Иван Григорьевич находился в Кузьмодемьянском остроге, а затем в новопостроенном городе на Лозьве. Оттуда он был переведен в Казань; в дальнейшем его ждала новая опала и вологодская тюрьма. Дядя царицы Семен Федорович Нагой вместе с сыном Иваном Семеновичем служил в Васильсурске, еще один дядя — Афанасий Федорович — был сослан в Ярославль⁴².

Нагие, попавшие в опалу вскоре после смерти Ивана Грозного, высланные из Москвы и удаленные от трона, не могли не думать о грозящих попытках устранения царевича Дмитрия. Ведь в случае смерти царя Федора Ивановича бездетным (а так оно и вышло), Дмитрий оказался бы единственным законным претендентом на российский престол. Он пользовался титулом царевича и был официальным наследником, пока у его брата Федора не было детей⁴³. Флетчер прямо писал, что жизнь царевича находилась «в опасности от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя». То, что Дмитрий был рожден от неканонического брака своего отца, вряд ли бы стало ему препятствием на пути к трону. Напомним, что когда под его именем объявился Лжедмитрий I и заявил свои права на престол, никто и не вспомнил, от какого по счету брака Ивана Грозного — шестого или седьмого — был рожден царевич. Это просто не имело тогда значения.

Тем не менее, Мария Нагая с самого своего вступления в брак жила в непрерывном страхе за свою судьбу, постоянно думая

---

⁴¹ Предположение А.А. Зимина об отправке в Арск Андрея Александровича Нагого (*Зимин А.А.* В канун. С. 111) основано на более поздних данных (1599–1602 гг.), см.: Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 86 (7107 г.), 98 (7108 г.), 117 (7109 г.), 133 (7110 г.). В 1580-х гг. в Арске были другие воеводы: голова Гаврила Щекин (Щепин), князь Андрей Куракин (Разрядные книги 1475–1598 гг. М., 1966. С. 340, 348, 378, 390). Что касается Андрея Александровича, то в 1591 г. он находился не в Арске, а в Угличе.

⁴² *Зимин А.А.* В канун. С. 111.

⁴³ В связи с этим интересно наблюдение С.М. Каштанова над интитуляцией царских грамот, в которых с осени 1591 г. (т.е. сразу после гибели царевича Дмитрия) рядом с именем царя Федора Ивановича появляется имя царицы Ирины, сестры Бориса Годунова. Каштанов полагает, что новая интитуляция могла быть «заблаговременным заявлением претензий новой династии» и косвенно свидетельствует о причастности Годунова к гибели Дмитрия Угличского. — См.: *Каштанов С.М.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина // *ВИ. М.*, 1965. № 1. С. 43–44.

о своем хрупком статусе и сомнительном положении седьмой жены царя — венчаной, но вряд ли законной. Ощущение нестабильности и постоянно грозящей опасности, ожидание гнева венценосного супруга, за которым последуют развод и, в лучшем случае, насильственное пострижение в монахини и ссылка в отдаленный монастырь, не могли не сделать ее тревожной, подозрительной и мнительной. Жизнь, словно испытывая ее на прочность, то возносила ее, то буквально вышибала почву из-под ног. Мария Нагая неизменно оказывалась в положении человека, севшего не в свои сани, и живущего в ожидании, что ей на это непременно укажут, причем самым унижительным для нее способом, так, что рухнут не только ее благополучие и без того сомнительный статус, но и самая жизнь. Мария Нагая постоянно оказывалась инструментом в чьих-то руках и была заложницей чужих замыслов. С ее помощью родной дядя — царский сват — протаптывал дорогу к подножью трона. Тот же дядя Афанасий Федорович был ввязан в matrimониальные планы Грозного в Англии. Она с трепетом ждала своей беременности — надежды на рождение наследника и, в связи с этим, стабилизации своего статуса. Мария с ужасом осознавала, что ее сын не вызывает интереса у венценосного отца (последние месяцы беременности Нагой и рождение царевича Дмитрия пришлось на пик сватовства царя к Марии Гастингс). Смерть мужа и последовавшая за ней опала Нагих, восшествие на престол пасынка — Федора Ивановича, ссылка в Углич и надежды Нагих подобраться к трону в случае смерти нового царя бездетным делали ее жизнь исключительно драматичной и наполненной тревогой. Положение нелюбимой и едва ли не отвергнутой жены должно было сформировать у нее заниженную самооценку. Эта молодая и красивая женщина, скорее всего, была унылой и дисфоричной. Вероятно, постоянная борьба за существование и сознание зависимости от своего единственного, маленького и очень больного ребенка, плюс честолюбивые планы ее родственников Нагих — все это способствовало формированию устойчиво-стереотипного поведения. Она неизменно приспособливалась свою жизнь к новым обстоятельствам, принимая их как веление судьбы.

Душный воздух постоянных страхов, бессилия и злобного недовольства Нагих своим положением в Угличе при фактическом управителе — государевом дьяке Михаиле Битяговском — подпитывался тревогой за жизнь царевича. Слухи о готовящемся убийстве наследника, его матери и других Нагих щекотали нервы и расплзались по стране, оседали в сознании, фиксировались иностранцами. Так,

в опубликованном впервые в 1591 г. труде английского дипломата и поэта Джильса Флетчера (Giles Fletcher) о России говорилось следующее: «Младший брат царя, шести или семи лет... содержится в отдаленном месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих, но в опасности, как я слыхал, из-за попыток устранить его путем заговора тех, кто простирает свои помыслы на трон, если царь умрет без потомства»⁴⁴. Позднее эта же версия о готовившемся убийстве царевича Дмитрия и его матери была повторена Горсеем.

Способ убийства наследника и вдовой царицы у Горсея сомнений не вызывал, и он прямо писал о будто бы готовящемся отравлении: «Был также раскрыт заговор с целью отравить и убрать молодого князя, третьего сына прежнего царя, Дмитрия, его мать и всех родственников, приверженцев и друзей, содержащихся под строгим присмотром в отдаленном месте у Углича»⁴⁵.

В средние века и новое время отравление было одним из излюбленных способов устранения политических соперников. Безусловно эффективное, наименее заметное и почти безопасное для боящегося быть уличенным злоумышленника, оно (в зависимости от избранного отравителя яда) могло действовать мгновенно или же, в случае методичного применения ядовитого вещества в малых дозах, вызывало необратимую смерть не сразу⁴⁶, а в результате нако-

---

⁴⁴ Цит. по: [Севастьянова А.А.] Комментарии // Горсей Д. Записки. С. 199, примеч. 191.

⁴⁵ Горсей Д. Записки. С. 107.

⁴⁶ В древности и средневековье отравители чаще всего пользовались мышьяком, точнее — триоксидом мышьяка, который надолго вытеснил другие яды: белый порошок, незаметно подмешанный в пищу или напиток, не изменял их вкуса и сам не имел ни вкуса, ни запаха. Иными словами, обнаружить мышьяк в еде было практически невозможно. Именно поэтому, боясь отравления, прибегали к практике пробы кушанья другим человеком или животным (собакой). Специалистам в области судебной медицины известно, что большая доза мышьяка убивает сразу, тогда как введение мышьяка в пищу малыми дозами приводит к смерти при явлениях гастроэнтерита. Сомнений в естественной смерти в таком случае не возникало, а определять наличие токсинов в теле умершего еще не умели. Отравители пользовались также сернистыми соединениями мышьяка, сурьмой, ярь-медянкой (окись меди) и др. Из ядов животного происхождения наиболее употребимыми были порошки из шпанской мухи, жабы, желчи гадюки и др. В средние века нередко прибегали и к использованию ядовитых растений (белая акация, бузина, жимолость обыкновенная, ландыш майский, лютик, плющ, наперстянка, белена черная, белладонна, волчье лыко, дурман обыкновенный и др., всего ок. 700 видов растений) и грибов. Подробнее см.: Панов И.Е. Отечественная судебная медицина с древности до наших дней. М., 2011. С. 90–91, см. также С. 92–100.

пления токсичных веществ в организме⁴⁷. Обращает на себя внимание тот факт, что в ходе расследования гибели царевича Дмитрия в показаниях («расспросных речах») Василисы Волоховой и челобитной вдовы дьяка Михаила Битяговского Авдотьи всплыли угличские ведуны — «жоночка уродливая», которая будто бы «ц(а)р(е)вича портила», «ведуны и ведуньи», постоянно «добываемые» Нагими к царевичу, и Андрюшка Молчанов, якобы вороживший «сколко... государь долговечен и государыня царица». Авдотья Битяговская прямо связывала расправу над мужем с тем, что государев дьяк выказывал Нагим недовольство присутствием возле царевича «ведунов и ведуний»: «...Жалоба, государь, мне на Михайла да на Григорья на Ногих: велел, государь, тот Михайло да Григорей убить мужа моего Михайла и сына моего Данила по недружбе, что, государь, муж мой Михайло говорил многижда да и бранился с Михайлом за то, что он добывает безпрестанно ведунов и ведуней к царевичу Дмитрею, а ведун, государь, Ондрюшка Молчанов тот безпрестанно жил у Михайла, да у Григорья, да у Ондреевы жены Нагой у Зеновы. И про тебя, государя, и про царицу Михайло Нагой тому ведуну велел ворожить, сколко ты, государь, долговечен и государыня

---

⁴⁷ В связи с этим обращают на себя внимание выводы антропологов, работавших над изучением костных останков и восстановлением мягких тканей лица по черепу московских великих княгинь и цариц. Подтвердилось, что некоторые из них умерли насильственной смертью, подвергаясь медленному методичному отравлению. Такая судьба, в частности, постигла мать Ивана Грозного Елену Глинскую и его первую жену царицу Анастасию Романовну. Представляет интерес, что в останках Марфы Собакиной, умершей вскоре после свадьбы и, по предположению современников, отравленной, ни солей ртути, ни мышьяка в опасных для жизни количествах не выявлено. Не исключено, что если «царская невеста» и была отравлена, то какими-то ядами растительного происхождения, может быть — травами или грибами. Довольно высокое содержание солей ртути и мышьяка в костных останках царицы Ирины Годуновой, напротив, по предположению антропологов, об отравлении не свидетельствует. В соответствии с медицинскими представлениями средневековья, малыми дозами препаратов ртути и мышьяка ее могли лечить от бесплодия и, вероятно, от заболеваний костной системы (у царицы выявлен порок в развитии костей таза, который не позволял ей вынашивать детей). В костных останках Ивана Грозного и царевича Ивана Ивановича было обнаружено большое количество ртути — признаков возможного острого или хронического отравления ее препаратами (см.: Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973. С. 184; *Панова Т., Пежемский Д.* Отравили! Жизнь и смерть Елены Глинской. Историко-антропологическое расследование // Родина. 2004. № 12. С. 26–31. Об использовании ядов как средстве устранения политических соперников см.: *Панова Т.* Средневековая Русь. С. 110–115; ср.: *Панов И.Е.* Отечественная судебная медицина. С. 90–100). Таким образом, мы видим, что и врачи, и отравители XVI–XVII вв. пользовались однотипным арсеналом токсинов — травы, грибы, мышьяк, ртуть.

царица. То есми, государь, слыхала у мужа своего». Ведуны и ворожеи нередко выступали в роли отравителей, виртуозно владея искусством приготовления ядов наряду со средневековыми алхимиками, аптекарями и врачами. Именно с ними связывались «сглаз» и наведение «порчи», т. е. причинение заболевания и даже смерти колдовством⁴⁸.

Известно, что, работая над своими записками, Флетчер, бывший в России сравнительно недолго (в 1588–1589 гг.), пользовался консультациями Горсея, который прожил в Московии без малого два десятилетия — с 1573 по 1591 гг. — и хорошо знал ее историю и порядки. В связи с этим неясно, появились ли у Флетчера записки о заговоре против Дмитрия Угличского и Нагих под влиянием Горсея или независимо от него. В первом случае степень достоверности этого известия заметно снижается. Кроме того, как уже говорилось, Горсей неоднократно редактировал и переписывал свои «Записки», в том числе, и постфактум, уже зная итог разворачивавшихся у него на глазах событий. Начатое в 1589/90 г., «Путешествие» в основных чертах было закончено Горсеем в 1592/93 г., но окончательную редакцию получило только к 20-м гг. XVII в.⁴⁹ Когда у Горсея появилась запись о готовящемся отравлении царевича и его матери — до или после событий мая 1591 г. и визита Нагого — неясно. Поэтому оценить степень достоверности известия Горсея о заговоре отравителей также вряд ли возможно.

Совершенно очевидно другое. Реальной власти в руках у Нагих не было, и положение царевича и его родственников в Угличе мало напоминало положение старых удельных князей. Нагие могли действовать только именем царевича. Власть в Угличе осуществлялась государевым дьяком Михаилом Битяговским, он же фактически ведал материальной стороной содержания царевича и его родни в Угличе. Содержания этого явно не хватало. Нагие не могли быть довольны. И все-таки в них жила надежда подобраться к трону вместе с единственным наследником бездетного Федора — царевичем Дмитрием. Страхи перед возможным отравлением царевича, вероятно, стали каждодневным кошмаром Нагих.

К опасениям мнимым примешивались и реальные. Нагие не могли не отдавать себе отчета в том, что царевич тяжело и опасно болен. Ворожба, ведуны, ведуньи и юродивые в удельном дворце и на дворе

---

⁴⁸ Панова Т. Средневековая Русь. С. 115; Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004. С. 263.

⁴⁹ Зимин А.А. В канун. С. 152. О построении работы Горсея см. также: Groskey R. The Composition of Sir Jerome Horsey's «Travels» // *IbGO*. 1978. Bd. 26. H. 3. S. 362–375.

Битяговских только усиливали нездоровую атмосферу вокруг мальчика. Мысль о его насильственной смерти вынашивалась постепенно, но мгновенно созрела на месте трагедии. Не случайно Нагие так легко озвучили ее и оказались так скоры на расправу со «злоумышленниками». Все страхи и подозрения нескольких лет опалы Нагих вырвались наружу. Нетрудно представить их состояние, когда в те несколько дней нервного и страшного ожидания расправы за мятеж и измену (убийство государева дьяка и разгром государевой Дьячей избы), прошедших от момента гибели царевича до приезда следственной комиссии в Углич, стало ясно, что и царица Мария отравлена. Сомнений в том, что это отравление, в то время и быть не могло: в конце XVI в. никаких представлений о психотравме, депрессии и реактивном психозе не было. Чаще всего проявления этих недугов списывались на отравление, а также сглаз, порчу, последствия ведовства и пр.

Среди родственников царицы были два Афанасия⁵⁰ — двоюродный дядя царицы, сын Александра Михайловича Нагого, оказавшийся после смерти Ивана Грозного в Новосили — одном из укрепленных пунктов оборонительной линии на южных рубежах Московского государства, и родной ее дядя Афанасий Федорович Нагой (сослан в Ярославль в 1584 г.). Джером Горсей указал, что ночью к нему явился брат царицы: «I saw by moonshine empress' brother, Afanasii Nagoi, the late widow empress, mother to the young prince Dmitrii» («Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата покойной (бывшей?) вдовствующей царицы, матери юного царевича Дмитрия»). Брата Афанасия у царицы не было. У нее имелись только родные братья Михаил и Григорий и ни одного двоюродного или троюродного брата с этим именем⁵¹. В.Б. Кобрин отождествлял Афанасия с Афанасием Александровичем⁵². Однако как мог этот че-

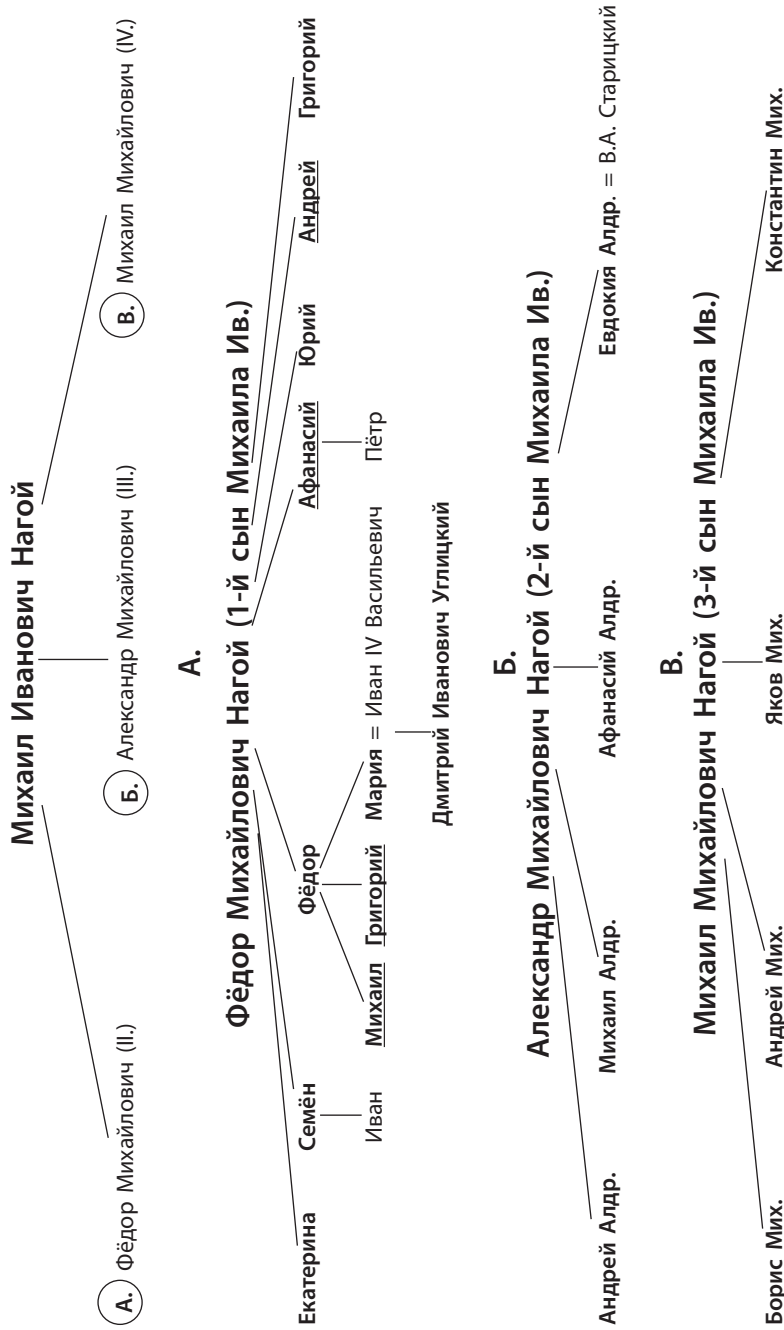
---

⁵⁰ Пользуемся генеалогической таблицей рода Нагих, составленной В.Д. Назаровым и являющейся рукописным Приложением к его докладу «Григорий Иванович и Иван Григорьевич Нагие: отец и сын на царской службе», прочитанному 23 мая 2011 г. в РГАДА на Научных чтениях, посвященных юбилею А.Л. Хорoshkevich (далее: Назаров В.Д. Приложение к докладу).

⁵¹ Двоюродными, трюродными и четверюродными братьями царицы были восемь представителей рода Нагих: Иван Семенович, Петр Афанасьевич, Андрей Андреевич, Александр Михайлович, Василий Михайлович, Богдан (Стефан) Михайлович, Никифор Иванович и Гаврило Иванович. Оба известных Афанасия Нагих — Афанасий Федорович и Афанасий Александрович — приходились ей дядьями, а не братьями: они были сыновьями Федора Михайловича и Александра Михайловича Нагих (Назаров В.Д. Приложение к докладу; см. также табл. 1).

⁵² Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 88.

Дядья и братья царицы Марии Фёдоровны Нагой (по: Назаров В.Д. Приложения [к докладу «Григорий Иванович и Иван Григорьевич Нагие: отец и сын на царской службе»])

ловека явиться из Новосили в Ярославль, ничего не зная о событиях в Угличе?

Ряд ученых полагает, что ночным визитером Горсея был царицын дядя Афанасий Федорович, названный ее «братом» по ошибке. Такой версии придерживались, например, Р.Г. Скрынников, А.А. Зимин, М. Перри и новейший издатель Записок Горсея А.А. Севастьянова⁵³. Однако Л. Берри и Р. Крамми, сославшись на «Русскую родословную книгу» А.Б. Лобанова-Ростовского и «Русский биографический словарь», заметили, что Афанасий Федорович Нагой умер в Ярославле еще в 1585 г.⁵⁴ В.Д. Назаров в статье «Нагие» указывает в качестве даты смерти Афанасия Федоровича 1585 г.⁵⁵ Берри и Крамми предположили, что Горсей перепутал имя приезжавшего к нему Нагого: им был не Афанасий, а Андрей⁵⁶. Между тем Афанасий Федорович Нагой был жив в 1588 г. 21 декабря 1588 г. он пожертвовал Троице-Сергиеву монастырю 50 руб. по душе своего умершего сына Петра⁵⁷.

По мнению Р.Г. Скрынникова, Афанасий Федорович был в 1591 г. не только жив, но и являлся одним из самых деятельных участников политической борьбы 1590-х гг., превратившим Ярославль едва ли не в центр антигодуновского заговора⁵⁸. А.Л. Станиславский и С.П. Мордовина полагали, что А.Ф. Нагой «умер около 1593 г.»⁵⁹. Это утверждение сопровождалось глухой ссылкой на троицкий синодик⁶⁰. Никаких обоснований своей точки зрения авторы не давали. О дате смерти А.Ф. Нагого или о каком-либо вкладе по его душе сведений нет. В последнее время С.М. Каштанов занимался отождествлением лиц, упомянутых в указанном

---

⁵³ Скрынников Р.Г. Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Б.А. Романова. Л., 1971. С. 188; *Он же*. Борис Годунов. М., 1983. С. 82–84; Зимин А.А. В канун. С. 169; Perrie M. Jerome Horsey's Account. P. 40; [Севастьянова А.А.] Комментарии // Горсей Д. Записки. С. 204–205, примеч. 251–252.

⁵⁴ Rude and Barbarous Kingdom. P. 375, note 5.

⁵⁵ СИЭ. М., 1966. Т. 9. Стб. 871.

⁵⁶ Rude and Barbarous Kingdom. P. 375, note 5.

⁵⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева. М., 1987. С. 70. Л. 234; Кириченко Л.А., Николаева С.В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008. С. 247, 348. № 3423.

⁵⁸ Скрынников Р.Г. Борис Годунов и царевич Дмитрий. С. 188.

⁵⁹ Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Состав двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 180, примеч. 13.

⁶⁰ НИОР РГБ. Ф. 304. № 41. Л. 27.

синодике до и после Афанасия Нагого⁶¹. Ниже приводятся его наблюдения и выводы.

Непосредственно перед Афанасием названа его жена Татьяна, а перед ней — Александр Борисович Щекин, вклад по которому сделал князь А.И. Хворостинин 2 февраля 1592 г.⁶² Сразу после Афанасия в синодике значится инок Нифонт Хитрово. Возможно, это Никита Васильевич Хитрово. Его вклад в Троицу относится к 1 октября 1559 г.⁶³, но дата смерти неизвестна. За ним идет Иван Юренев. Это уже деятель XVII в. В боярской книге 1627 г. И.И. Юренев числился среди выборных дворян по Коломне⁶⁴. После Ивана Юренева синодик упоминает инока Паисею Нелединского. Он может быть отождествлен с Петром Михайловым сыном Нелединского, который отдал в Троицу по душе родителей село в Бежецком Верхе. Это произошло в 1571/72 г.⁶⁵ Дата смерти самого П.М. Нелединского неизвестна. Если он умер через 20 лет после смерти родителей, его кончину надо отнести к 1591/92 г. Но такое допущение совершенно произвольно.

После Паисия Нелединского в синодике названа инока Маремьяна. Над ее именем сделана надпись: «Ку[рцева] жена [А]л(е)ѣѣвичя, Плещѣва Сѹчина». Вероятно, имеется в виду жена Афанасия (Алексея) Ивановича Курцева, дочь Федора (или Ивана?) Очина-Плещеева Старого. 5 марта 1542 г. Никита Фуников сын Курцов дал в Троице-Сергиев монастырь вкладом «по матери своей Мартемьяне» 49 руб. 30 ал. 2 д.⁶⁶ Далее в синодике стоит имя «Захаріа» и над ним надпись «дѣт[и]». Речь идет, по-видимому, о Захарии Ивановиче Очине-Плещееве, по которому его брат Никита дал вклад 26 декабря 1591 г.⁶⁷ После Захарии написано «Иванна». Надпись над этим именем не поддается прочтению. Скорее всего, тут могло быть слово «Сѹчины» или «Сѹчина». Это предположение основано, во-первых, на том, что упомянутые в синодике рядом Захария и Иван были братьями. Их брат Никита Иванович Очин-Плещеев делал свой сто-рублевый вклад не только по Захарии, но и по Иване, о чем прямо

---

⁶¹ Приносим благодарность А.В. Кузьмину за помощь в работе над л. 26 об. — 27 троицкого синодика (№ 41) и С.М. Каштанову за сообщенные наблюдения.

⁶² Вкладная книга. С. 87. л. 307 об.

⁶³ Там же. С. 105. Л. 377; Кормовая книга. С. 131, 286, 347. № 824, 3403.

⁶⁴ Боярская книга 1627 г. / Подгот. текста и вступ. ст. М.П. Лукичева и Н.М. Рогожина. Под ред. и с предисл. В.И. Буганова. М., 1986. С. 124. Л. 389 об.

⁶⁵ Вкладная книга. С. 143. Л. 549 об.; Кормовая книга. С. 315, 369. № 192, 1599.

⁶⁶ Вкладная книга. С. 68. Л. 226 об.; Кормовая книга. С. 306. № 1386.

⁶⁷ Вкладная книга. С. 42. Л. 118.

говорится в записи от 26 декабря 1591 г. Во-вторых, слово над именем «Иванна» должно было быть связано со словом «дѣти» над именем Захарии. Эти два надстрочных слова представляли собой единую надпись, растянутую над двумя словами. Отсюда предположение, что надпись в целом гласила: «дѣти Гѹчина» или «дѣти Гѹчины».

Следующее лицо, кого предписывается помянуть в синодике, — инока Ираида. Надстрочная надпись раскрывает тайну этого имени: «Михаилова жена [Бул]гаква». Во вкладной книге есть запись: «100-го году, октября в 4 день по Орине Михаилове жене Матфеевича Булгакова дал вкладу Петр Васильевич Годунов денег 50 рублей»⁶⁸. Видимо, Ирина Булгакова умерла незадолго до 4 октября 1591 г.

Идентификацию имен можно было бы продолжить, но кажется и так теперь понятно, почему Станиславский и Мордовина датировали смерть А.Ф. Нагого временем «около 1593 г.»: некоторые близкие к нему по синодику лица, чья смерть поддается датировке, умерли либо в конце 1591 г., либо в начале 1592 г. Скорее всего, Афанасий Федорович Нагой и его жена Татьяна погибли тоже не в 1593 г., а в 1591–1592 гг., но не до, а после, а может быть, в результате майских событий 1591 г.

Во всяком случае, после того, как стало ясно, что 1585 г. является ошибочной датой смерти А.Ф. Нагого, намного увеличилась вероятность того, что именно с ним общался Горсей ночью в Ярославле. Поскольку Горсей твердо помнил редкое для английского слуха имя Афанасий, переименованное им на «Альфонасий» («Alphonassy Nagoie»), это был его хороший знакомый. Только близкий приятель мог явиться к опальному англичанину в неурочное время, неофициально и с расчетом на понимание и сочувствие. К тому же, найти ночью Английский двор в Ярославле было бы, наверное, сложно иногородцу, жителю Углича, в то время как житель Ярославля, каковым являлся Афанасий, легко ориентировался в местной топографии. Горсей не говорит, что его ночной гость приехал из Углича. Неизвестно, был ли Горсей знаком с Андреем Александровичем Нагим и решился ли бы тот покинуть Углич в столь критический момент⁶⁹. Более вероятен другой сценарий: к Афанасию прибыл из Углича доверенный человек Нагих, рассказал ему о случившемся и попросил оказать помощь. Смерть Афанасия Федоровича и его жены в конце 1591 или

---

⁶⁸ Там же. С. 108. Л. 394.

⁶⁹ На следствии А.А. Нагой говорил, что находился при теле царевича «неотступно». Как же он мог при этом ездить в Ярославль?

начале 1592 г. говорит о многом. Они могли поплатиться жизнью и за обращение к Горсею, и за связь с угличскими Нагими.

Итак, между 16 и 19 июля 1591 г. состоялся ночной разговор Нагого с Горсеем, записанный последним по памяти. Если сведения медицинского характера выглядят в нем вполне правдоподобными и косвенно подтверждаются материалами Следственного дела, то точность воспроизведения англичанином всех деталей этого разговора вызывает определенные сомнения. Во-первых, обращает на себя внимание нарочитая беллетризация самого эпизода встречи, описанного в духе детективного романа. Разговор взволнованного Нагого с перепуганным насмерть англичанином происходит ровно в полночь, под покровом темноты, и только одинокая луна освещает лицо незваного визитера («But one night...»; «...One rapped at my gate at midnight...»; «...I saw by moonshine empress' brother...»). Горсей напуган заранее, еще не зная, ни кто стучится в его ворота, ни почему. При этом испуг дипломата так силен, что он «едва не отдал Богу душу». Одновременно Горсей не забывает указать на свою полную боеготовность и то, что в его распоряжении находился целый штат вооруженных слуг (15 человек) и арсенал («God did miraculously preserve me...»; «...I commended my soul to God above other, thinking verily the time of my end was come...»; «...I was well furnished with pistols and weapons»; «I and my servants, some fifteen, went with these weapons to the gate...»). В таком контексте зловещая история, рассказанная ночью, имеет не то романтический, не то героический флер.

Во-вторых, Горсей прямо говорит об умолчаниях, которые делает сознательно: «...Many other things passed not worth the writing, sometimes cheerful messages, sometimes fearful...». Оборот об умолчаниях помещен в «Записках» сразу после упоминания о ссылке Горсея «царем и советом» («emperor and council») за 250 миль от Москвы и непосредственно перед рассказом о ночном визите Нагого на Английский двор. Безусловно, он мог означать как отказ от повествования об отдельных событиях в Русском государстве, случившихся за период ссылки вообще, но и содержал намек на то, что и изложение последующих событий не обойдется без корректив и купюр. Это тем более вероятно, что уже 10 июня 1591 г. Горсей прямо писал Уильяму Сесилу о «многих... необыкновенных делах», которые он и описать не смеет, и «не столько потому, что это утомительно, сколько из-за того, что это неприятно и опасно». Какой опасности ждал Горсей в Ярославле, загодя вооружившись и окру-

жив себя охраной? Почему был так напуган, что едва не испустил дух, когда в его ворота настойчиво постучались? Что заставило его не на шутку испугаться за свою жизнь (а он готовился защищать ее с оружием в руках), и, тем не менее, вступить в контакт с ночным гостем? В-третьих, почему именно у Горсея родственник царицы искал «что-нибудь действенное», говоря о ее отравлении, ведь англичанин не был ни медиком, ни знахарем? Горсей явно не договаривает.

Как известно, еще среди современников тех трагических событий распространился слух, что малолетний наследник был заблаговременно спрятан родственниками, а вместо него был убит другой мальчик. В частности, Жак Маржерет прямо писал о том, что Борис Годунов готовил убийство царевича. Но поскольку «многие вельможи, отправленные в ссылку, были в дороге отравлены», Мария Нагая «и некоторые другие вельможи... сумели подменить его и подставить на его место другого [ребенка]», который позднее и погиб в Угличе⁷⁰. Маржерет побывал в России при Лжедмитрии I, состоял у него на службе и конечно же излагал официальную версию, бытовавшую при его дворе⁷¹. Несмотря на то, что версия о подмене наследника другим мальчиком явно несостоятельна, впоследствии она была подхвачена некоторыми исследователями Смутного времени. Более того, сторонники версии спасения подлинного Дмитрия не исключали вероятности, что царевич Дмитрий был укрыт Нагими, и не без помощи Горсея⁷². Именно участием последнего в судьбе царевича объясняют строки письма лорду Сесилу о «многих... необыкновенных делах», о которых Горсею было бы писать «опасно». Однако версия о сокрытии подлинного Дмитрия Горсеем кажется нам маловероятной и даже фантастической. Кроме того, она противоречит сведениям о болезни царицы, переживавшей тяжелейшую психическую травму, которые нашли подтверждения в Следственном деле.

В изложении разговора с Нагим у Горсея перемешались впечатления от событий, отстоявших друг от друга на несколько дней и даже лет, но объединенные темой угличской трагедии 15 мая. Некоторые из них Дж. Горсей фиксировал как непосредственный участник и свидетель, о других узнавал из разных источников — по преимуществу устных. Весть о смерти царевича 15 мая могла достичь Мо-

---

⁷⁰ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. С. 124–125.

⁷¹ *Зимин А.А.* В канун. С. 169.

⁷² См., например: *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? С. 89.

сквы на следующий день, т. е. 16 мая. Из Москвы на место трагедии немедленно выехал пристав Темир Засецкий, прибывший в Углич 18 мая. 19 мая сюда приехала следственная комиссия Шуйского, а также митрополит Крутицкий Геласий — для погребения царевича, которое состоялось 22 мая. Все признаки мнимого отравления Марии Нагой (включая поражение ногтей), на деле являвшиеся проявлениями соматизированной депрессии, должны были возникнуть в течении первых 4–5 дней после гибели царевича. Вероятно, что реактивная паранойя царицы, ярко обозначившаяся 15–16 мая в поиске злоумышленников (избиение Волоховой, гибель Осипа Волохова, казнь юродивой), померкла на фоне усиливающегося депрессивного состояния. Царица слегла 17–18 мая, а 18–19 мая из Углича в Ярославль пришли вести о происшедшем. Дата 19 мая содержится в письме Горсея лорду Сесилу (барону Берли) как дата гибели царевича Дмитрия. Вероятно, эта дата соответствует времени приезда в Ярославль вестника от Нагих и свидания Афанасия Нагого с Горсеем. Горсей сообщает о пожарах в Москве, как о произошедших не после, а до трагедии в Угличе («...some four days before...») — следствие ошибки информаторов Горсея или его собственной памяти. Маловероятно, что Горсей ошибался здесь намеренно⁷³. Вместе с тем, Горсей намеренно или невольно излагает антигодуновскую версию событий в Угличе и Москве в мае — июне 1591 г.

Почему Комиссией Василия Шуйского не было раздута дело об «отравлении» царицы? В Следственном деле нет ни малейших намеков на ее болезнь, и только отсутствуют ее показания. В расспрошенных речах родственников царицы и, прежде всего, Михаила и Андрея Нагого, нет ни слова о царицыном недуге. В чем же дело?

Не исключено, что комиссия явилась в Углич, заранее имея решение об итогах следствия. Это решение не должно было скомпрометировать действующую власть, но должно было дать возможность наказать Нагих (т. е. устранить их от трона окончательно и бесповоротно). Вывод комиссии о самозаклании Дмитрия вследствие небрежения Нагих и «божьем судом» как нельзя лучше отвечал этой задаче. По распоряжению правительства царя Федора Ивановича, родственников вдовой царицы разослали по тюрьмам, а саму Марию Нагую насильно постригли в монастыре на Выксе. Угличане — участники волнения — подверглись пыткам, массовым казням и ссылке в Сибирь во вновь построенный городок Пелым. Углич запустел.

---

⁷³ Зимин А.А. В канун. С. 175–176.

В начале XVII в. царевич Дмитрий как бы «воскрес» для истории. Самозванцы Лжедмитрий I в 1605–1606 гг. и Лжедмитрий II в 1607–1610 гг. выдавали себя за чудом спасенного сына Ивана IV. В ответ на это правительство царя Василия Шуйского (1606–1610 гг.) канонизировало «невинно убиенного отрока» и тем самым перечеркнуло выводы Следственной комиссии 1591 г. На сей раз утверждалось, что по наущению Бориса Годунова к царевичу были подсланы зарезавшие его убийцы. С тех пор бытуют две версии о гибели Дмитрия Угличского. Одна объясняет его смерть убийством, другая — «самозакланием»⁷⁴. Однако как бы ни рассматривать причину смерти царевича, очевидно, что смерть маленького больного мальчика в удельном Угличе оказалась прологом к событиям Смутного времени. Династический кризис и пресечение династии Ивана Калиты на московском престоле, деятельность в России и Европе самозванцев Лжедмитрия I и Лжедмитрия II (первому из них удалось на целый год стать венчанным на царство государем), Крестьянская война начала XVII в. и польско-шведская интервенция были тесно связаны с событиями мая 1591 г. в Угличе и развивались по сценарию, так или иначе определенному кончиной царевича Дмитрия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.
- Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004.
- Белоусов П.В., Столярова Л.В.* Царевич Дмитрий Иванович: самозаклание, убийство, или... (опыт патографии) // Медицинская экспертиза и право. 2010. № 2. С. 49–54.
- Горсей Д.* Записки о России. XVI — начало XVII в. / Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990.
- Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1.
- Дневник Марины Мнишек* / Пер. В.Н. Козлякова. М., 1995.
- Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.
- Капитанов С.М.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина // ВИ. М., 1965. № 1. С. 39–44.

---

⁷⁴ Предложенную нами гипотезу о гибели царевича вследствие развившегося у него эпилептического статуса см.: *Белоусов П.В., Столярова Л.В.* Царевич Дмитрий Иванович: самозаклание, убийство, или... (опыт патографии) // Медицинская экспертиза и право. 2010. № 2. С. 49–54.

- Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989.
- Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992.
- Лурье Я.С.* Письма Джерома Горсея // Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия историч. наук. Л., 1941. Вып. 8. № 73. С. 199–201.
- Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М., 2007.
- Масса Исаак.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 13–150.
- Миллер Б.В.* Персидско-русский словарь. М., 1960.
- Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 180.
- Морозова Л.Е.* История России: Смутное время. М., 2011.
- Морозова Л.Е., Морозов Б.Н.* Иван Грозный и его жены. М., 2005.
- Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002.
- Панов И.Е.* Отечественная судебная медицина с древности до наших дней. М., 2011.
- Панова Т.* Средневековая Русь: Яды как средство сведения счетов // Наука и жизнь. 2006. № 8. С. 115.
- Панова Т., Пежемский Д.* Отравили! Жизнь и смерть Елены Глинской: Историко-антропологическое расследование // Родина. 2004. № 12. С. 26–31.
- Петрей Петр.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 151–464.
- Психиатрия: Справочник практического врача / Под ред. А.Г. Гофмана. М., 2006. С. 300–311.
- Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34.
- Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14.
- Портнов А.А.* Общая психопатология. М., 2004.
- Русская историческая библиотека. СПб., 1909. Т. 13.
- Руководство по психиатрии: В 2 томах / Под ред. А.В. Снежневского. М., 1983. Т. 2.
- [Севастьянова А.А.]* Комментарии // *Горсей Д.* Записки. С. 172–214.
- Семенченко В.Ф.* Хроника фармации. М., 2007.
- Скрынников Р.Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Б.А. Романова. Л., 1971.
- Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2006.

- Следственное дело об убиении царевича Дмитрия Иоанновича, произведенное в Угличе по повелению государя царя Феодора Иоанновича боярином князем Василием Ивановичем Шуйским, окольниковым Андреем Петровичем Клешниным и дьяком Елизарием Вылузгиным. Писано 1591 года, в мае... // СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 60. С. 103–123.
- Смулевич А.Б. Депрессии при соматических и психических заболеваниях. М., 2003.
- Смулевич А.Б., Иванов О.Л., Львов А.Н., Дороженко И.Ю. Психодерматология: Современное состояние проблемы // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2004. № 11. С. 4–13.
- Суворин А.С. О Дмитрие Самозванце: Критические очерки, с приложением нового списка следственного дела о смерти царевича Дмитрия. СПб., 1906.
- Таймасова Л. Трагедия в Угличе: Что произошло 15 мая 1591 года? М., 2006.
- Тополянский В.Д., Струковская М.В. Психосоматические расстройства (руководство для врачей). М., 1986.
- Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия. 15 мая 1591 г. / Изд. подгот. В.[К]. Клейн. М., 1913.
- Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales / Sous la direction d'A. Dechambre et L. Lereboullet. Paris, 1887. T. XVII.
- Groskey R. The Composition of Sir Jerome Horsey's «Travels» // *IbGO*. Bd. 26, N. 3. S. 362–375.
- Nicolas Lémery. Pharmacopée universelle, contenant toutes les compositions de pharmacie qui sont en usage dans la médecine, tant en France que par toute l'Europe, leurs vertus, leurs doses, les manières d'opérer les plus simples et les meilleures: avec un lexicon pharmaceutique, plusieurs remarques et des raisonnements sur chaque opération Paris; Nyon, 1764. T. II.
- Perrie M. Jerome Horsey's Account of the Events of May 1591 // *Oxford Slavonic Papers*. 1980. Vol. 8.
- Rude and Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of 16th Century English Voyagers / Ed. by L.E. Berry, R.O. Crummey. Madison; London, 1968.

Lyubov Stolyarova, Petr Belousov

JEROME HORSEY'S ACCOUNT OF THE EVENTS
THAT TOOK PLACE IN UGLICH AND MOSCOW
IN MAY AND JUNE 1591

The paper deals with “Travels” by Sir Jerome Horsey written in the first quarter of the 17th century and relating about his voyages to Russia in the last third of the 16th century. The subject of the present research is limited to an examination of Horsey's information concerning the state of health of

tsarina Mariya Nagaya immediately after the death of her little son tsarevitch Dmitrii on May 15, 1591. Horsey received this information from tsarina's relative whom the Englishman defines as "the empress's brother, Afanasij Nagoi". Horsey relates without any chronological data that during his sojourn at Iaroslavl' Afanasij Nagoi came one night to his gates and prayed to help him because the tsarevitch Dmitrii had been killed and tsarina "poisoned and upon point of death". Nagoi implored Horsey to give him some medicines in order to save Mariya. The rider described the state of her health in the following words: "her hair and nails and skin falls off". Horsey could give him only two things: "a little bottle of pure salad oil (that little vial of balsam that the queen gave me) and a box of Venice treacle". The first remedy could be identified with Provençal oil, the second one — with Teriak, which was a universal antidote. Apparently, the tsarina, as soon as she saw her son dead, had a reaction of agitation. At the climax of it a short-time dull, dark consciousness occurred. According to information contained in Uglich Inquiry File, Mariya began to beat with all her strength the Prince's nurse and screamed out the names of assumed murderers of her son. Such a conduct can testify of reactive paranoid. In her presence the son of the nurse was killed. Mariya ordered to kill a woman who was considered to be a sorceress. Later she felt deepest grief, apathy and reacted poorly at outer irritations. Her hair began to fall out, her skin was coming off and in a short time her nails fell out. Her body was covered with itching, wet crust, which she was constantly scratching. The Provençal oil given by Horsey could not help her. But Teriak could be more useful because it rendered purgative, diuretic, anti-inflammatory, calming and even narcotic effects. Horsey's memoirs provide us with unique and valuable information on the illness of Mariya Nagaya and the medicines used for her treatment.

Key words: "The Travels of Sir Jerome Horsey", medicine in the 16th century, new interpretation, source study, death of tsarevich Demetrius, inquiry, pathography of tsarina Mariya Nagaya, genealogy of the Naguiye.